

435. Гісторыя.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ ХСVIII

1904

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1904

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. В. ГУРЧИНЪ.

ВЪ МАРТОВСКОЙ книжкѣ «Миссіонерскаго Обзорѣнія» за текущій годъ помѣщена очень интересная статья: «Возможно ли и какою панихидою молить Бога о спасеніи усопшихъ христіанъ не православной церкви?» Статья эта снова коснулась большого вопроса, возникшаго по поводу смерти командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, генерала Гурчина. Разрѣшивъ вопросъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ томъ смыслѣ, что за иновѣрцевъ православные не только могутъ, но и должны молиться именно въ православныхъ храмахъ, подкрѣпивъ это положеніе рядомъ авторитетныхъ ссылокъ на Евангеліе и учителей церкви, авторъ статьи, между прочимъ, говоритъ: «Грустные же инциденты, подобные официальному недозволенію со стороны виленскаго епархіальнаго начальства для корпораціи православныхъ военныхъ города Вильны совершить церковную молитву въ православномъ храмѣ объ усопшемъ христіанинѣ римской церкви, генералѣ Гурчинѣ,—придаютъ упомянутому вопросу значеніе и официально-общественное, и смущаютъ, и огорчаютъ весьма многихъ».

Статья эта заставила меня отдать въ печать давно написанную мною замѣтку о генералѣ Гурчинѣ, котораго хорошо зналъ я по Вильнѣ и о которомъ, поэтому, могу сообщить кое-что интересное.

Когда умираетъ на Руси выдающійся общественный дѣятель, сейчасъ же раздаются голоса, желающіе умалить значеніе его за-

слугъ, отомстить ему за прежнія столкновенія, за славу его и лавры. Сплетни, клевета, искаженіе истины безнаказанно шипятъ у гроба того, къ кому клеветникъ и сплетникъ, вѣроятно, не попадѣ бы при жизни даже въ приемную... Крыловская басня про умирающаго льва, котораго брыкаетъ жизнездовольный, тупоголовый осель,—пока будутъ существовать выдающіеся люди, а рядомъ съ ними и ничтожества,—не утратитъ, вѣроятно, на свѣтѣ своего значенія. Въ большинствѣ случаевъ отдѣльныя лица, знающія хорошо правду, боязливо молчатъ и не рѣшаются осадить крикуновъ, прикрывающихся громкими фразами и ссылками на неизвѣстныхъ свидѣтелей, боясь попасть подъ самосудъ вмѣстѣ съ покойнымъ, а остальное общество трусливо или злорадно присутствуетъ при посмертной казни того, кому при жизни еще такъ недавно рабски поклонялось. Особенно больно чувствуется это въ разновѣрной Вильнѣ, гдѣ, напримѣръ, до сихъ поръ судятъ графа М. Н. Муравьева, и судятъ русскіе люди, то осуждая, то оправдывая, при чемъ судъ возобновляется каждый разъ, когда освѣщается составъ высшей администраціи Сѣверо-Западнаго края... И чего, чего только не говорятъ про Муравьева, къ стыду нашему, именно русскіе!..

Все это невольно передумалъ я лишній разъ, когда въ 1902 году хоронили въ Вильнѣ Александра Викентьевича Гурчина, командующаго войсками Виленскаго округа, и когда въ толпѣ, возглавлявшей многочисленныя, пышныя вѣнки на его гробъ, раздавалась клевета, сопровождавшаяся сомнительными анекдотами и небывалыми фактами изъ прошлаго покойнаго. И я привелъ выше графа М. Н. Муравьева не случайно, а потому, что, стоя у гроба генерала Гурчина, грустно думалъ, что будь въ Вильнѣ живъ православный графъ Муравьевъ, онъ былъ бы навѣрно другомъ католика Гурчина, такъ какъ для Муравьева не было ни православныхъ, ни католиковъ, ни евреевъ, а только два сорта людей: враги Россіи, ея друзья... И вѣроисповѣдныя вопросы не затемняли въ этомъ замѣчательномъ государственномъ дѣятелѣ умѣнья всюду найти, привлечь къ себѣ, на пользу общей родины, истинныхъ патриотовъ и изъ среды католиковъ.

Я имѣлъ возможность узнать генерала Гурчина хорошо именно съ той стороны, съ которой при жизни и послѣ его смерти сыпалось на него болѣе всего обвиненій—по вопросу объ отношеніяхъ его къ православію,—и долгъ порядочнаго человѣка заставляетъ меня, поэтому, хотя поздно, а все-таки сказать печатно правду. Но прежде скажу нѣсколько словъ о служебномъ прошломъ Александра Викентьевича, поскольку оно мнѣ извѣстно.

Генералъ Гурчинъ въ службу вступилъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ въ 1850 году, а въ 1864 году былъ назначенъ начальникомъ кавказской стрѣлковой школы съ переименованіемъ въ подполковника. Съ этого времени и до 1894 года вся

дѣятельность его прошла на Кавказѣ, гдѣ онъ принималъ участіе во многихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ и послѣдовательно командовалъ 13-мъ лейбъ-гренадерскимъ Эриванскимъ полкомъ, кавказской стрѣлковой бригадой, 38-й пѣхотной дивизіей. Въ турецкую войну 1877—1878 годовъ А. В. Гурчинъ отличился въ битвахъ при Цихидзирѣ, на Аладжинскихъ высотахъ, въ штурмѣ Карса и блокадѣ Эрверума, при чемъ получилъ золотую саблю за храбрость, ордена св. Станислава и св. Анны первой степени съ мечами. Въ 1894 году, въ чинѣ генераль-лейтенанта, онъ былъ назначенъ командиромъ 19-го армейскаго корпуса, въ 1898 году произведенъ въ чинѣ генерала отъ инфантеріи; въ 1900 году награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго съ брилліантами и назначенъ членомъ военнаго совѣта, а 15-го сентября 1901 года командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа. Въ этомъ званіи онъ и скончался 15-го сентября 1902 года.

Генераль Гурчинъ пріѣхалъ въ Вильну и вступилъ въ командованіе войсками округа послѣ генераль-адъютанта В. И. Троцкаго, рыцарски благороднаго, добраго, истинно-русскаго человѣка, но тяжелаго на подъемъ, не любившаго кропотливой работы, большихъ сложныхъ докладовъ, человѣка, мало обращающаго вниманіе на внѣшній видъ войска, на соблюденіе уставовъ и циркуляровъ. И генералу Гурчину, службисту отъ головы до ногъ, рабу закона и уставовъ, съ первыхъ же шаговъ пришлось начать перевоспитаніе ввѣреннаго ему высочайшей властью округа въ отношеніи порядка и соблюденія формъ, погрузиться въ служебныя мелочи, напомнить «забытыя слова» не примѣнявшихся на дѣлѣ циркуляровъ и приказовъ, углубиться въ канты, нашивки, размѣры мундирной одежды и т. п. азбучныя, скучныя истины строевой службы, до него отодвинутыя на второй планъ. А память у него была огромная именно на всякія мелочи, и въ кабинетѣ его на самомъ видномъ, почетномъ мѣстѣ красовалась полочка съ уставами и справочными по службѣ книжками. Недаромъ же многократно говорилъ онъ при мнѣ, что командующій войсками долженъ постоянно учиться и освѣжать въ памяти своей даже мелочи военной службы для того, чтобы быть на высотѣ своего положенія, такъ какъ онъ основательно обязанъ знать и то, что знаетъ корпусный командиръ, и то, что требуется отъ послѣдняго подчиненнаго ему рядового... И генераль Гурчинъ всѣ свои одинокіе досуги посвящалъ добросовѣстному изученію того, что должны были знать его подчиненные. Неудивительно, что не разъ, къ огорченію попавшихся ему въ непорядкахъ, вдругъ вспоминалъ онъ какую либо подробность, затерянную въ циркулярахъ, и требовалъ немедленной справки. Неудивительно, что вскорѣ послѣ его пріѣзда многіе стали ходить къ нему съ докладами не иначе, какъ имѣя въ рукахъ или подъ мышками законы, указы и справки... Но

лгали на генерала Гурчина тѣ, кто увѣрялъ послѣ его смерти, будто бы онъ весь, «какъ фельдфебель», съ наслажденіемъ ушелъ въ мелочи, «смаковалъ» только эти мелочи, упуская болѣе глубокія задачи воспитанія и образованія ввѣреннаго ему округа, не былъ способенъ на что либо лучшее... Нѣтъ! Перевоспитаніе войскъ — въ смыслѣ уваженія уставовъ и законнаго порядка — было для Гурчина довольно тяжкимъ, непріятнымъ крестомъ, и недаромъ мечталъ онъ, подтянувъ округъ снаружи, заняться вплослѣдствіи и его «духомъ». Да не суждено было ему это: годъ командованія войсками, годъ постоянного труда съ утра до поздней ночи, борьбы, непріятностей, смотры во всякую погоду, при продолжительномъ воздержаніи отъ пищи, сломили, наконецъ, его желѣзную, казалось, неутомимую, привыкшую ко всякой работѣ, натуру — и генерала Гурчина не стало: округъ (т.-е. извѣстная часть его) вздохнулъ свободнѣе!.. На почвѣ служебныхъ столкновеній изъ-за «кажущихся» мелочей, прежде всего, и нажилъ себѣ покойный враговъ по службѣ, клеветавшихъ и клеветущихъ на него до сихъ поръ.

Оговариваюсь: я не пишу подробнаго некролога Александра Викентьевича Гурчина. Достаточно, однако, такихъ фактовъ, какъ достиженіе католикомъ высокаго поста командующаго войсками округа, и именно въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и удивительныхъ подвиговъ на поляхъ брани, чтобы составить себѣ понятіе о покойномъ, какъ о воинѣ. Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что со многими высокопоставленными, истинно-русскими людьми находился генералъ Гурчинъ до смерти въ дружескихъ отношеніяхъ и интимной перепискѣ. Тѣмъ не менѣе, надъ гробомъ его произошелъ, — какъ говоритъ авторъ вышеупомянутой статьи «Миссіонерскаго Обзорѣнія», — «грустный инцидентъ» — официальное недозволеніе намъ, православнымъ людямъ, помолиться въ православныхъ храмахъ за душу покойнаго, а затѣмъ грянула въ газетахъ полемика, которую, по возможности, я обойду молчаніемъ, и въ которой было много схоластическихъ тонкостей, текстовъ и подтасовокъ, но не было главнаго, чтó должно служить украшеніемъ всякаго истиннаго христіанина — не было сердца, справедливости, безпристрастія, уваженія къ памяти усопшаго. Началась травля «католика» потому только, что онъ родился католикомъ; а забытъ былъ русскій человекъ, русскій воинъ, отдавшій Россіи беззавѣтно всю свою жизнь, стоявшій всегда въ рядахъ ея лучшихъ сыновъ... И въ пылу этой недостойной, пристрастной травли со ссылками на тексты, на положенія церкви, якобы во имя правды, — травли того, кто лежалъ нѣмъ и безсиленъ, кто не могъ защищаться, тенденціозно исказили даже описаніе похоронъ Гурчина, а также многія послѣдующія, связанныя съ ними, событія...

Такъ, въ одну изъ газетъ писалось изъ Вильны «очевидцемъ»:

«Но что же мы видѣли при похоронахъ генерала Гурчина? Военный парадъ, грандіознѣйшую процессію, прямо и грубо демонстративную, изъ 64-хъ римско-католическихъ священнослужителей, вольную пожарную команду со знаменемъ и хоромъ музыки, исполнявшимъ какой-то маршъ, мѣстныхъ трубочистовъ въ новой парадной формѣ, толпы празднаго народа и разночинцевъ, привлеченныхъ даровымъ зрѣлищемъ, но этой самой военной семьи, о которой взынають гг. Ухтомскій и Менцерскій,—было весьма мало и почти никого, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя не могли не быть. А вѣдь въ Вильнѣ свыше 10.000 войскъ и въ томъ числѣ свыше 300 офицеровъ, не считая штабныхъ офицеровъ, медицинскихъ и интендантскихъ чиновниковъ, военно-окружнаго суда, а равно и отставныхъ военныхъ. Въ парадѣ участвовало не болѣе 850 нижнихъ чиновъ и 30 офицеровъ (по справкѣ); гдѣ же были остальные? Они вѣдь не могли затеряться въ толпѣ, какъ иголки, и, если даже предположить, что рѣзкая погода нѣсколько охладила ихъ «горячую любовь», то все же нельзя не признать, что, судя по этому проявленію, ея было очень немного» и т. д.

Передъ этой фразой и послѣ нея авторъ замѣтки старается доказать, что Гурчина въ Вильнѣ ненавидѣли всѣ военные, бросаетъ тѣнь на рѣчь кавказской военной депутаціи, произнесенную надъ могилой покойнаго. Однимъ словомъ, статья эта положила пышный вѣнокъ ненависти, столь чуждой обыкновенно русскому человеку, на могилу католика — точно для того, чтобы доказать еще разъ всему міру печатно, что нѣтъ правила безъ грустнаго исключенія...

Я присутствовалъ и въ квартирѣ усопшаго на литіяхъ римско-католическаго духовенства, и при отпѣваніи въ каедральномъ костелѣ, и во время слѣдованія процессіи черезъ городъ къ кладбищу Росса, а потому могу удостовѣрить, что провожающихъ было гораздо больше, чѣмъ видѣлъ ихъ авторъ вышеупомянутой статьи. Правда, ругали Гурчина, какъ я уже упомянулъ выше, даже на похоронахъ, у гроба его, но слышались и сочувственные, соболюбующіе о немъ отзывы, именно среди русскаго интеллигентнаго общества. Какъ относились военные къ покойному,—видно уже изъ самаго факта поднятаго вопроса о разрѣшеніи торжественной панихиды въ православномъ каедральномъ соборѣ, а также изъ того, что во многихъ частяхъ Виленскаго округа, стоявшихъ внѣ Вильны, военные, не знавшіе ничего о запрещеніи въ Вильнѣ молиться за католика православнымъ, отслужили по усопшемъ Гурчинѣ, въ присутствіи нижнихъ чиновъ, торжественныя панихиды по православному обряду... А о томъ, много ли русскихъ вообще и военныхъ въ частности провожало тѣло Гурчина, можно легко убѣдиться хотя бы по огромной фотографіи, снятой съ похоронной процессіи въ моментъ, когда она подходила къ Большой улицѣ.

Жаль, что «очевидецъ» не взглянулъ на эту фотографію и на другія подобныя же фотографіи разныхъ моментовъ похоронъ: онѣ остановили бы его, быть можетъ, отъ неправильнаго описанія... Лучшимъ же вѣнкомъ на могилу католика Гурчина было несомнѣнно участіе въ его похоронахъ многочисленнаго виленскаго православнаго духовенства, которому хотя и было офиціально запрещено молиться о покойномъ въ православныхъ храмахъ, но которое, тѣмъ не менѣе, съ рискомъ получить непріятности, въ орденахъ и знакахъ отличія, явилось въ каѳедральный костелъ на отпѣваніе Гурчина и молилось тамъ горячо «по-православному» за упокой души его,—явилось, чтобы отдать послѣдній долгъ справедливости тому, кто, оставаясь католикомъ, много, да, именно много, сдѣлалъ для православнаго духовенства въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Авторъ статьи умолчалъ про подобный выдающійся фактъ, придавъ похоронамъ Гурчина отгѣнокъ какой-то политической, ксендзовско-польской демонстраціи. Вотъ почему мнѣ и кажется, что онъ описалъ все не по личнымъ впечатлѣніямъ, а съ чужихъ, не провѣренныхъ и при томъ явно недобросовѣстныхъ, словъ... Могу даже назвать имена нѣкоторыхъ почтенныхъ православныхъ священнослужителей, молившихся въ костелѣ за католика и тѣмъ показавшихъ остальнымъ католикамъ высокій примѣръ вѣротерпимости. Я мѣнялся на похоронахъ въ костелѣ впечатлѣніями и съ дворцовымъ священникомъ Капитономъ Петровымъ, и съ настоятелемъ Благовѣщенской церкви, маститымъ протоіереемъ Зиновіемъ Давидовичемъ, и со многими другими священниками. И жаль, что авторъ статьи не слышалъ, что говорили тутъ же, у гроба Гурчина, всѣ эти почтенныя лица, которыхъ привелъ въ костелъ, конечно, не сухой долгъ офиціальной службы... А когда двинулась отъ костела процессія, то, несмотря на усилія полиціи, толпа народа ворвалась въ ряды войскъ, стоявшихъ шпалерами вдоль улицы, въ иныхъ мѣстахъ даже разстроила эти ряды; провожающіе были смяты, и я лично видѣлъ, какъ нѣкоторые генералы съ женами, доѣхавшіе въ экипажахъ до кладбища, не могли попасть за его ограду и должны были вернуться въ городъ. Впрочемъ, можно и теперь спросить членовъ виленской полиціи, сотни зрителей, чтобы возстановить истину относительно похоронъ... Но я не произвожу слѣдствія, а лишь возстановляю факты.

Въ настоящей замѣткѣ мнѣ и хочется объяснить, почему православное духовенство Вильны, рискуя получить служебныя непріятности, демонстративно явилось въ католическій соборъ, чтобы помянуть добрымъ словомъ и молитвою католика Гурчина. Попутно обрисовуется и личность самого Гурчина, и его отношеніе къ православію, и его страдальческое, полное трагизма, положеніе въ Вильнѣ, именно какъ католика. Я воздержусь отъ выводовъ, отъ обобщеній. И если мнѣ суждено въ этомъ краткомъ очеркѣ, хотя

отчасти, возстановить истину, то я уже чувствую себя заранѣе на-гражденнымъ сознаниемъ исполненнаго по отношенію къ покойному долга совѣсти. Знать и трусливо молчать для меня два понятія, между собою несомѣстимыя. Ну, а брань и клѣвета лично меня нисколько не волнуютъ!..

Приѣзду генерала Гурчина въ Вильну предшествовалъ въ Петербургѣ слѣдующій типичный разговоръ, быть можетъ, фактъ, а, можетъ быть, и легенда. Передавали про споръ двухъ высокопоставленныхъ особъ, власть имущихъ, по вопросу о назначеніи на постъ командующаго войсками, да еще въ Сѣверо-Западный край, католика... Когда одна изъ особъ высказала опасеніе въ этомъ направленіи, другая, хорошо знавшая Гурчина, замѣтила: «Полноте! Гурчинъ — болѣе православный, чѣмъ мы съ вами!»

Фраза эта: «болѣе православный, чѣмъ мы съ вами», красной нитью прошла черезъ всю жизнь генерала Гурчина и можетъ лечь тоже однимъ изъ почетныхъ вѣнковъ отъ истинно-православныхъ на его могилу.

По приѣздѣ Гурчина въ Вильну, я, какъ дѣлопроизводитель мѣстнаго управленія «Краснаго Креста», немедленно же сталъ къ нему въ близкія отношенія, такъ какъ на общемъ собраніи членовъ единогласно избрали его въ предсѣдатели управленія. Постоянно бывая у Александра Викентьевича съ докладами по «Красному Кресту» и видѣ этихъ докладовъ, я имѣлъ возможность узнать его хорошо, какъ человѣка, «дома, безъ мундира и орденовъ».

Надо замѣтить, что при прежнемъ предсѣдателѣ, генералъ-адъютантъ В. Н. Троцкомъ, передавшемъ въ полное мое завѣдываніе всѣ дѣла виленскаго управленія «Краснаго Креста», многіе не могли простить мнѣ того, что уставъ общества я ставилъ всегда выше дамскихъ капризовъ и частныхъ возрѣвій, какъ не могли переварить близости моей къ добродушному, благородному, но доступному постороннимъ влияніямъ, генералу... И вотъ, едва вступилъ въ завѣдываніе дѣлами мѣстнаго управленія вновь приѣхавшій генералъ Гурчинъ, меня до того совершенно не знавшій, какъ въ первомъ же засѣданіи поднялась противъ меня и бывшихъ порядковъ цѣлая буря... Ошеломленный, по природѣ мнительный, недоумчивый Александръ Викентьевичъ, мало знавшій къ тому же мѣстное общество и его нравы, сперва повѣрилъ моимъ вліятельнымъ недругамъ. Въ результатѣ послѣ засѣданія вышло у меня съ нимъ горячее, даже бурное, рѣзкое объясненіе, которое, познакомивъ насъ ближе другъ съ другомъ, сразу же показало мнѣ, съ какимъ благороднымъ сердцемъ, подъ грубой солдатскою внѣшностью, имѣю я дѣло. Еще одна бесѣда на ту же тему, но уже въ мирномъ тонѣ, личная провѣрка генераломъ Гурчинымъ моихъ докладовъ и объясненій по уставу и документамъ дѣла — и я въ лицѣ генерала нашелъ себѣ друга, котораго до самой смерти не могли уже разубѣ-

дить въ моей порядочности... Въ видѣ инструкціи мнѣ разъ навсегда было поручено генераломъ Гурчинымъ держаться въ дѣлахъ «Краснаго Креста» только устава, при чемъ было выражено удовольствіе, что на должности дѣлопроизводителя находится именно военный юристъ, т.-е. «человѣкъ закона и порядка». «Если отступать отъ устава,—неоднократно говорилъ мнѣ потомъ Александръ Викентьевичъ,—то непременно сдѣлаешь какую нибудь несправедливость въ ту или другую сторону... Будемъ держаться устава: я всегда поддержу васъ!» И дѣйствительно, попытки нарушить уставъ, конечно, не съ дурными, темными цѣлями, а въ виду личныхъ взглядовъ и мнѣній, находили себѣ всегда въ генералѣ Гурчинѣ суроваго гонителя. Когда онѣ появлялись въ засѣданіяхъ, генераль Гурчинъ обыкновенно обращался ко мнѣ, какъ къ секретарю, за справкой со словами: «А вотъ прочтите-ка намъ уставъ!» И когда я читалъ соответствующій § устава, генераль говорилъ просителю или просительницѣ: «Видите ли, что гласитъ уставъ! Ну, могу ли я, какъ предсѣдатель, т.-е. блюститель порядка, нарушить уставъ, чтобы сдѣлать лично вамъ пріятное?!» Вопросъ немедленно же исчерпывался, а я торжествовалъ. Не разъ въ откровенной, частной бесѣдѣ говорилъ я Александру Викентьевичу, что при такомъ законномъ ходѣ вещей мнѣ легко, даже пріятно, служить съ нимъ по «Красному Кресту». И невольно вспоминались мнѣ бывше доклады мои у симпатичнаго генераль-адъютанта Троцкаго, когда внимательство какой нибудь дамы «просто пріятной» или «пріятной во всѣхъ отношеніяхъ» неожиданно мѣняло принятое еще наканунѣ рѣшеніе, а на мой докладъ, что это противорѣчитъ уставу, получался равнодушный отвѣтъ: «Знаю! Сдѣлайте такъ, какъ я говорю! Я и отвѣчу, а пусть меня тамъ, въ Петербургѣ, бранятъ! Это меня нисколько не волнуетъ». При генералѣ Гурчинѣ въ дѣлахъ «Краснаго Креста» «диктатура сердца» весьма быстро замѣнилась сухимъ закономъ, уставомъ, буквой циркуляровъ... И когда я шелъ къ нему съ докладами, то заранѣе зналъ, какое получу приказаніе, что скажетъ онъ мнѣ на ту или иную попытку разрѣшить вопросъ «по-дамски». Неудивительно поэтому, что и между дамами появились у Гурчина враги... Не забыть быль и я... По крайней мѣрѣ, скоро послѣ того, какъ Гурчина не стало, испытать я на себѣ всю силу тайной дамской мести... Но объ этомъ расскажу я когда либо въ другой разъ. А пока вернусь къ Александру Викентьевичу Гурчину и моему съ нимъ знакомству.

Помню, какъ пріѣхалъ въ Вильну генераль Гурчинъ, и какъ всходилъ онъ медленно, усталой походкою, въ сопровожденіи огромной свиты, по лѣстницѣ квартиры командующаго войсками въ Пушкинскомъ скверѣ, по той самой лѣстницѣ, по которой не такъ давно сносили гробъ съ прахомъ всѣми любимаго, чуднаго, тоже дорогаго мнѣ лично человѣка, В. Н. Троцкаго... И то, что недавно

склонялось передъ Троцкимъ, склонилось теперь передъ новымъ, внезапно восшедшимъ изъ тумана забвенія, свѣтиломъ... Въ квартирѣ командующаго войсками сейчасъ же заговорили о службѣ, объ уставахъ, инструкціяхъ и законахъ: генераль Гурчинъ не могъ терпѣть около себя людей безъ опредѣленнаго занятія, безъ опредѣленнаго дѣла. Вотъ почему, какъ передавали, позаботился онъ сейчасъ же занять своихъ адъютантовъ. А одному блестящему офицеру, состоящему въ его распоряженіи, поручено было... разсортировать, прибрать въ шкафъ пыльные книги генерала. И офицеръ этотъ поспѣшилъ перевестись изъ округа (такъ рассказывали)...

Послѣ красавца, высокаго роста, съ орлинымъ взоромъ, барскими манерами и невозмутимостью при самыхъ неожиданныхъ служебныхъ осложненіяхъ, В. Н. Троцкаго, — наружность генерала Гурчина не располагала къ себѣ: средняго роста, съ неправильными, обрюзгшими чертами суроваго, краснаго лица, держащій голову нѣсколько набокъ, подозрительно вслушивающійся и исподтишка вглядывающійся въ докладчика, то словно затаившійся и выжидающій, чтобы огорошить васъ неожиданнымъ вопросомъ или ссылкой на законъ, то рѣзкій, придирчивый, даже грубый и безпощадный въ минуты гнѣва, вызваннаго ложью, утайкой, изворотами, съ кривой, неискреннею улыбкой, часто съ опущенными внизъ глазами, точно съ умысломъ избѣгающими вашего взора, — генераль Гурчинъ въ первое время производилъ на всякаго крайне непріятное, невыгодное для него впечатлѣніе... Дамы откровенно находили его «уродомъ», «отвратомъ», главнымъ образомъ послѣ того, какъ оказалось, что дамское вліяніе безсильно поколебать суроваго, боевого кавказца, особенно въ вопросахъ служебнаго характера, а «диктатура сердца» отошла въ область преданій... Правда, удавалось мнѣ наблюдать, насколько рыцарски-утонченъ, вѣжливъ и предупредителенъ бывалъ генераль Гурчинъ съ дамами при встрѣчахъ въ виленскихъ салонахъ. Но служба—службою, а знакомство—знакомствомъ! А тутъ началось подтягиваніе мужей, невзирая на ихъ служебное положеніе и чины, розыски, справки въ уставчикахъ, работы въ канцеляріяхъ до позднихъ часовъ, преслѣдованіе за неправильно нашитые наплечники у барабанщиковъ и т. п. И море канцелярій, благодушно дремавшихъ при покойномъ Троцкомъ, взволновалось, расшумѣлось, запротестовало: жизнь вдругъ осложнилась разными «знаете, тамъ, пустяками»... Мужья угрюмо про себя роптали; но дама «просто пріятная» уже мчалась на казенномъ рысакѣ со сплетней про Гурчина къ вліятельной дамѣ «пріятной во всѣхъ отношеніяхъ»... И провинція заговорила!.. А тутъ на бѣду Гурчинъ оказался еще—о ужасъ!—«настоящимъ католикомъ»! Да развѣ можно было все это снести равнодушно?.. Негодованіе росло, въ то время какъ желѣзная рука строгаго генерала, ни на что не обращая вниманія, все болѣе и болѣе сжимала

округъ, заставляла поневолѣ работать, провѣрять свои знанія, вспоминать «зады» военной службы. Какъ-то сразу встряхнулись, заработали всѣ, начиная съ генерала и кончая захудалымъ солдатикомъ какого либо крѣпостного батальона... Вотъ тутъ-то, въ тайникахъ уязвленныхъ самолюбій, и залегло зерно той будущей ненависти, той клеветы, которая отомстила генералу Гурчину уже тогда, когда лежалъ онъ въ гробу, ужасный, жалкій, обезображенный неудачнымъ бальзамированіемъ, съ зрачками, просвѣчивавшими сквозь тонкія вѣки, такъ что казалось, что покойный смотритъ далеко въ небо и спрашиваетъ, за что, за что на него клеветаютъ... При Троцкомъ были недовольны порою его мягкостью, жаловались на то, что на дѣла вліяютъ окружающіе, приближенные, ждали съ нетерпѣніемъ новаго командующаго... А пріѣхалъ Гурчинъ—и все заохало, застонало, зашептало и, возмущенное новыми порядками, обратило благодарныя, полныя слезъ, очи къ недавнему прошлому, увы, невозвратному... Однимъ словомъ, повторилась старая исторія съ лягушками, просившими царя... Господи! Какія довелось мнѣ при этомъ видѣть сцены, какія выраженія фізіономій!.. И чего-чего только не говорилось про генерала и громко, и тайно!...

Но я снова уклонился отъ разсказа въ область личныхъ впечатлѣній и наблюденій—настолько и теперь еще волнуютъ меня высокопоучительныя картины немногихъ мѣсяцевъ управленія генерала Гурчина округомъ... При первомъ же докладѣ Александру Викентьевичу по «Красному Кресту» увидѣлъ я рѣзкую разницу между генераломъ Троцкимъ и новымъ командующимъ войсками въ отношеніи къ дѣлу. Покойный Троцкій разъ навсегда разрѣшилъ мнѣ являться къ нему съ докладомъ, какъ онъ выразился однажды, «въ сюртукѣ или кителѣ, во всякое время дня и вечера, кромѣ ночи», когда онъ, по его шутливому выраженію, «спитъ». И мнѣ случалось вызывать его для подписи бумагъ даже во время прогулки его по саду, даже изъ круга семьи, и никогда не было случая, чтобы меня не приняли, если генералъ оказывался дома и здоровъ. При Гурчинѣ же много разъ первое время пришлось мнѣ подожду ждать въ пріемной въ мундирѣ, въ кругу другихъ такихъ же ожидающихъ очереди, а генералъ все не заводилъ рѣчи о докладахъ въ сюртукѣ, пока не заговорилъ объ этомъ наконецъ я самъ... Для докладовъ по «Красному Кресту» назначалось теперь особое время, и въ иные часы кабинетъ генерала былъ нерѣдко для меня запертъ. Генералъ-адъютантъ Троцкій обыкновенно вѣрилъ докладчику на слово, часто подписывалъ бумаги, не читая ихъ, ненавидѣлъ долгіе доклады, осложненные справками и приложеніями, сердился, беря въ руки толстую тетрадь исписанной бумаги. Генералъ же Гурчинъ, наоборотъ, вникалъ до послѣдней детали въ докладъ, требовалъ еще новыхъ

справокъ, основаній, документовъ, даже подозрительно заглядывалъ въ черновики, по временамъ свѣряя ихъ съ бѣловиками, а приложенія приказывалъ читать ему въ слухъ цѣликомъ, безъ пропусковъ. Только тогда, лично изучивъ весь матеріалъ, подписывалъ онъ бумагу, при чемъ не любилъ класть длинныя резолюціи и писалъ ихъ осторожно, въ общихъ выраженіяхъ, часто карандашомъ, обдумывая каждое слово и боясь за правильность правописанія. Генералъ же Троцкій набрасывалъ резолюціи быстро, легко, съ подробностями, прекраснымъ литературнымъ языкомъ, не стѣснялся высказать свой личный взглядъ и даже выбраться, не зато потомъ и не церемонился сдѣлать совсѣмъ не то, что значилось въ его первоначальномъ рѣшеніи. Троцкій поражалъ всегда меня умнѣемъ, выслушавъ огромный сложный докладъ, быстро уловить сущность его и широко взглянуть на дѣло. Это былъ человекъ широкаго государственнаго ума. Для генерала же Гурчина нужно было время, справки, обдумываніе, чтобы схватить главное, и мелкія подробности часто затемняли въ его рѣшеніяхъ основную идею. Зато обмануть, провести Гурчина было невозможно, и даже людей, которыхъ онъ считалъ честными, которымъ вѣрилъ безусловно, провѣрялъ онъ и контролировалъ, въ силу привычки вдумываться во все и во все вглядываться недоувѣрчиво. То былъ опытный, травленный, не разъ въ жизни, волкъ, который не обольщался наружностью, громкими фразами, а, какъ Тома невѣрный, долженъ былъ, для собственнаго спокойствія, для пользы дѣла, во все «вложить пытливые персты». Онъ зналъ отлично, что его не очень любятъ въ Вильнѣ, и не искалъ любви окружающихъ, а часто говорилъ, правда, въ шутку, но довольно ядовито, что «единственный другъ» его въ Вильнѣ—черный красавецъ-пудель, который постоянно лежалъ въ его скромномъ, дѣловомъ кабинетѣ, обнюхивая недоувѣрчиво входившихъ посѣтителей, точно и онъ заразился у хозяина скептицизмомъ... Къ дальнимъ роднымъ генералъ Гурчинъ, по пріѣздѣ въ Вильну, поставилъ себя сразу же въ опредѣленныя отношенія, къ польскому обществу—тоже, и никто не слышалъ, какъ онъ говорить по-польски, а на французскомъ языкѣ онъ стѣснялся или не хотѣлъ объясняться... Поневолю всѣ говорили съ нимъ по-русски, даже поляки. Старыхъ товарищей по службѣ и сослуживцевъ онъ никогда не забывалъ, въ какихъ бы малыхъ чинахъ они ни состояли; добро, ему сдѣланное, помнилъ долго, но благодарить и награждать за услуги не умѣлъ, быть можетъ, потому, что самъ былъ равнодушенъ къ наградамъ. Вообще фразы были противны этому человеку. Тайно онъ дѣлалъ много добра и даже въ служебныя поѣздки всегда возилъ съ собою деньги «на всякій случай», для выдачи вспомошествованій. Дома, внѣ службы, онъ любилъ принять, любилъ иногда и пошутить съ гостями, былъ простъ, радушенъ съ ними, хотя нерѣдко шутка эта выходила у

него противъ воли тяжелой, обидной, а разговоръ съ нимъ всегда приходилось вести осторожно, зная, что малѣйшій переходъ на служебную почву могъ вызвать рѣзкое замѣчаніе, рѣзкую отповѣдь даже за частнымъ обѣдомъ. А затѣмъ это былъ живой примѣръ служебнаго долга для окружающихъ, примѣръ жизни для блага вѣрренныхъ ему нижнихъ чиновъ, заботливости о нихъ, лишеній, неутомимости, забвенія личныхъ вкусовъ, привычекъ и удобствъ, едва сталкивались они съ потребностями подчиненныхъ... Всегда всюду первый, исполнительный, бодрый, входящій въ мелочи нуждъ солдата, генераль Гурчинъ все воодушевлялъ вокругъ себя, направляя къ одной цѣли—къ торжеству законности и порядка. Тѣхъ же, кто не раздѣлялъ его взглядовъ, онъ не церемонился призывать къ порядку приказаніемъ или окрикомъ. Однажды, въ разговорѣ, высказалъ онъ мнѣ простую, но часто забываемую у насъ истину: «солдатъ долженъ знать, что ежели онъ все сдѣлалъ, что требовалось отъ него по закону и по уставу, то никто пальцемъ его не смѣетъ тронуть. Безъ этого положительно не мыслима военная служба!»

— «Какъ надо поступать по-вашему съ анонимными доносами?» — спросилъ онъ меня въ другой разъ, какъ юриста, когда кончился докладъ мой по «Красному Кресту»:—«и какъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи покойный Троцкій?»

— Я доложилъ, что по-моему нужно рвать анонимы, и что благодарный Виталій Николаевичъ или бросалъ ихъ съ презрѣніемъ въ огонь, или шуточно дарилъ тѣмъ на кого они были написаны, со словами: «Поищите-ка хорошенько мерзавца-автора!»

— «Ну, а какъ говорить на ту же тему вашъ военно-судебный уставъ?»—спросилъ меня Гурчинъ. Я забылъ уставъ, а генераль Гурчинъ его хорошо помнилъ. Оказалось, по справкѣ, что уставъ рекомендуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ давать ходъ анонимамъ и производить по нимъ даже разслѣдованіе. Тутъ Гурчинъ заявилъ мнѣ, что вполне раздѣляетъ взглядъ закона, и привелъ возможный примѣръ, когда, получивъ анонимный доносъ о важномъ готовящемся преступленіи, онъ уничтожилъ бы бумагу, и затѣмъ дѣйствительно обнаружилось бы преступленіе, стало бы извѣстно, что его своевременно, какъ командующаго войсками, предупредили, а онъ оставилъ сообщеніе безъ вниманія.

— «Конечно, честный человѣкъ, зная о преступленіи, подпишетъ свою фамилію,—пояснилъ онъ мнѣ сейчасъ же свой взглядъ:—но вѣдь не всѣ обладаютъ достаточнымъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы говорить правду и тѣмъ болѣе нести за нее послѣдствія!»

Съ легкой руки Гурчина, надо сознаться, анонимы стали быстро плодиться со всѣми ихъ грустными послѣдствіями, и часто, пріѣзжая на ревизію войскъ, находилъ онъ уже на почтѣ ждущіе его доносы; не разъ ѣхалъ онъ на смотръ только послѣ того, какъ было произве-

дено на скорую руку разслѣдованіе, и онъ зналъ, къ чему привело послѣднее. Справедливость требуетъ сознаться, что анонимы были грустнымъ явленіемъ въ командованіи округомъ генерала Гурчина.

Въ замѣчаніяхъ по службѣ, какъ я уже упомянулъ, и во время смотровъ Гурчинъ былъ рѣзокъ и безпошадень, и тѣмъ выше стоялъ въ служебной іерархіи виновный, тѣмъ неумолимѣе былъ съ нимъ строгій генералъ. Возражать ему тутъ же, подъ горячую руку, не запасшись справками, было опасно: у Гурчина была скверная привычка извести, допечь виновнаго. Рассказывали про случай, когда фельдфебель не выдержалъ разноски и упалъ въ обморокъ; передавали, что не разъ офицеры дѣлались больными во время смотровъ. Ходили слухи, что кто-то гдѣ-то со страху умеръ въ строю отъ разноски...

Гурчинъ не любилъ угощеній отъ войскъ и часто, особенно послѣ одного неприятнаго случая, нарочно голодалъ цѣлый день, подъ предлогомъ, что увлеченъ смотромъ, чтобы не съѣсть приготовленнаго для него параднаго завтрака, а потомъ наѣдался сразу обильно, что вмѣстѣ съ непосильной въ его годы работою и простудами во время служебныхъ поѣздокъ и было главною причиною его внезапной болѣзни, операціи и смерти.

Куда ни являлся Гурчинъ на первыхъ порахъ,—всюду встрѣчалъ онъ безпорядки и неумолимо, быстро прекращалъ ихъ: стоитъ только прочесть приказы и приказанія его по Виленскому военному округу, чтобы убѣдиться, сколько довелось ему поработать... Отъ пытливаго, никому не довѣряющаго, опытнаго взора грознаго генерала не ускользало ничто, и въ первое время растерявшееся начальство часто оказывалось въ неловкомъ положеніи, путалось и потомъ не знало, какъ вывернуться. Расскажу случай, благодаря которому недовольные прозвали генерала Гурчина «Иродомъ, истребившимъ въ одну ночь младенцевъ мужескаго пола».

Передавали, что въ большомъ городѣ, куда Гурчинъ пріѣхалъ на ревизію, при полкахъ, на незаконныхъ началахъ, существовали команды мальчиковъ, обучавшихся музыкѣ, чтобы потомъ пополнять ими полковые оркестры. Заставъ въ одномъ изъ полковъ такую незаконную команду, Гурчинъ по обыкновенію потребовалъ справку, основаній, нашумѣлъ, раскричался и велѣлъ, чтобы дѣти были возвращены родителямъ, а контракты, заключенные полкомъ съ послѣдними, немедленно уничтожены. На слѣдующій день предстоялъ смотръ въ другихъ полкахъ, гдѣ были такія же команды. И что же? За ночь дѣтей скрыли вмѣстѣ съ вещами изъ казармъ, а когда Гурчинъ сталъ наводить справки, то ему доложили, что командъ нѣтъ и не было. Такимъ образомъ, въ одну ночь были избиты «командные младенцы», а недруги Гурчина прозвали его «Иродомъ». Вскорѣ послѣ того подобныя команды, насколько знаю, были узаконены официально.

Гурчинъ любилъ, когда ему открыто въ глаза говорили правду цѣнилъ смѣлый отвѣтъ, хотя и правда не всегда избавляла провинившагося отъ непріятностей. Но мстить, преслѣдовать было не въ его натурѣ... Сплетни были противны его душѣ, и ни разу при мнѣ не осудилъ онъ за что либо покойнаго Троцкаго.

Я безпристрастно отмѣтилъ въ этой статьѣ и то, что было не-симпатично въ генералѣ Гурчинѣ, что отталкивало отъ него, огорчало даже самыхъ преданныхъ ему людей. Но скажу словами писателя, генерала Роткирха, относившимися къ другому военному дѣятелю: «То была пыль на благородномъ металлѣ, свѣянная дыханіемъ смерти»...

Не забуду, въ какой ужасъ привелъ многихъ пріѣзжающихъ въ Вильну военныхъ слухъ о томъ, что командующій войсками предлагаетъ имъ запросто останавливаться въ его огромной, почти пустой, квартирѣ... И дѣйствительно... человекъ пріѣзжалъ иногда въ Вильну отдохнуть отъ службы, пожуировать «за семью мостами» отъ жены, а тутъ живи въ «Гурчинскомъ монастырѣ», какъ называли его домъ, подъ контролемъ строгаго генерала, и веди за его обѣдами и чаями бесѣды на служебныя темы!.. Было отъ чего прійти въ негодованіе... Проектъ такъ и остался проектомъ...

Передъ смертью завѣщалъ генералъ Гурчинъ все полученное когда либо отъ частей войскъ вернуть на память о немъ въ эти же части, библиотеку передать на пополненіе библиотеки Виленскаго военнаго собранія, кое-что изъ вещей отдать въ военный музей. Въ этомъ музей, находящемся при военномъ собраніи, устроена, кромѣ того, особая витрина, гдѣ хранятся многочисленныя серебряныя вѣнки, возложенныя на гробъ Гурчина, ленты, съ надписями отъ частей войскъ, мундиры, шашка, эполеты покойнаго. Между ними — фотографія Александра Викентьевича. Все это, по просьбѣ военнаго собранія, передалъ музею родной братъ покойнаго — Адольфъ Викентьевичъ.

Долго боролся Александръ Викентьевичъ съ недугомъ, принималъ, сидя и съ повышенной температурою, доклады, ежась отъ озноба въ своемъ обширномъ, неуютномъ кабинетѣ, и даже больной, своимъ угасающимъ, но пристальнымъ взоромъ, слѣдилъ за ввѣреннымъ ему округомъ. Наконецъ онъ слегъ. Я посѣтилъ его до операціи. Онъ видимо сознавалъ опасность своего положенія, шутиливо брюзжалъ на врачей, которые держатъ его въ кровати, тяготился своей бездѣятельностью и продолжалъ неутомимо подписывать текущія бумаги... Умирающій, онъ все говорилъ о службѣ, о дѣлахъ, пытливо, недоувѣрчиво вглядываясь въ посѣтителя, точно ожидалъ уловить смертный приговоръ въ чертахъ чужого лица... Но и на смертномъ одрѣ онъ ни на кого и ни на что не жаловался, никого не винилъ въ той нравственной пыткѣ, кото-

рая встрѣтила его въ Вильнѣ. Наконецъ, Гурчина не стало, — не стало, какъ разъ въ то время, когда начали цѣнить его въ Вильнѣ, когда явились у него подчиненные, его любящіе, когда къ нему приглядѣлись, попривыкли. И, вѣроятно, легко умирать, когда знаешь, что никому-то не сдѣлалъ въ жизни сознательно зла, никого не погубилъ, пользуясь огромной властью... А такое сознание должно было быть у Гурчина, когда передъ смертью подводилъ онъ итоги прошлаго, бесѣдуя наединѣ съ собственной совѣстью...

Но возвращусь къ интересному вопросу объ отношеніи покойнаго генерала къ православію.

При первомъ же представленіи моемъ Александру Викентьевичу въ качествѣ дѣлопроизводителя мѣстнаго управленія общества «Краснаго Креста», Гурчинъ, узнавъ, что въ числѣ членовъ управленія значится и архіепископъ литовскій и виленскій, высокопреосвященный Ювеналій, преподаль мнѣ строгій совѣтъ въ отношеніяхъ къ архіепископу по дѣламъ «Краснаго Креста» быть возможно осторожнѣе.—«Ради Бога, не поссорьте меня съ владыкой!»— были его слова. Надо же было такъ случиться, что какъ разъ съ владыкой вышло скоро недоразумѣніе по «Красному Кресту»!..

Чтобы стало понятнымъ то, что я опишу ниже, необходимо замѣтить, что за четыре года, пока я былъ дѣлопроизводителемъ, архіепископъ Ювеналій, несмотря на посылаемые ему приглашенія, ни разу не былъ въ засѣданіяхъ «Краснаго Креста», хотя числился членомъ мѣстнаго управленія. По уставу онъ давно долженъ былъ считаться вышедшимъ изъ состава управленія, какъ не посѣщающій его засѣданій, но для него при генералѣ Троцкомъ нарушали уставы, и ему попрежнему посылались повѣстки. Помню даже случай, когда виленскій римско-католическій епископъ Звѣровичъ, постоянно посѣщавшій засѣданія, спрашивалъ при мнѣ товарища предсѣдателя мѣстнаго управленія, губернатора Чепелевскаго, обязанъ ли онъ посѣщать засѣданія «Краснаго Креста» въ виду упорнаго непосѣщенія ихъ православнымъ архипастыремъ. На это Звѣровичъ получилъ осторожный отвѣтъ, что онъ, Чепелевскій, не считаетъ себя въ правѣ обсуждать поступки владыки и давать совѣты епископу, послѣ чего и Звѣровичъ пересталъ ѣздить въ засѣданія...

Едва генералъ Гурчинъ вступилъ въ исполненіе обязанностей предсѣдателя мѣстнаго управленія, какъ было назначено экстренное засѣданіе, а членамъ управленія, въ томъ числѣ и архіепископу Ювеналію, были разосланы официальные пригласительныя повѣстки, форма которыхъ была выработана задолго до меня, и на которыя никто (въ томъ числѣ и владыка, получавшій ихъ при генералѣ Троцкомъ) никогда не обижался. Но стоило во главѣ мѣстнаго управленія «Краснаго Креста» стать католику-Гурчину, какъ отношенія къ повѣсткамъ круто измѣнились. Скоро послѣ

посылки повѣстки архіепископу Ювеналію получилъ я отъ него большой опечатанный конвертъ. Въ конвертъ былъ вложенъ чистый листъ дорогой почтовой бумаги, а въ листѣ находилась повѣстка (кстати сказать, написанная не мною, а моимъ писцомъ, по разъ заведенному для всѣхъ одинаковому шаблону). На повѣсткѣ, за полной подписью владыки, была его собственноручная резолюція оскорбительнаго для меня содержанія по поводу формы повѣстки, а затѣмъ стояла приписка за новой подписью о томъ, что владыка въ засѣданіи не будетъ. Я хорошо понималъ, что дѣло тутъ не въ формѣ, не въ размѣрахъ повѣстки (такъ какъ, повторяю, при генералѣ Троцкомъ посылались такія же); что оскорбленіе въ сущности предназначено не мнѣ, а генералу Гурчину, какъ предсѣдателю мѣстнаго управленія, католику, и рѣшилъ выждать, какого рода претензіи лично заявить владыка Гурчину при предстоявшей встрѣчѣ ихъ въ соборѣ на богослуженіи.

Если бы подобный инцидентъ случился при Троцкомъ, я ранѣе зналъ бы, какъ отнесся бы къ нему равнодушный къ такимъ мелочамъ генералъ. Да, впрочемъ, при Троцкомъ и не возникло бы такое недоразумѣніе! Тѣмъ не менѣе я не желалъ скрывать правды отъ Гурчина — и вотъ, видя, что послѣ богослуженія въ соборѣ онъ при встрѣчѣ со мною ничего не заговариваетъ о злополучной повѣсткѣ, — я рѣшилъ самъ доложить ему все откровенно. Кромѣ того, я мало зналъ еще тогда новаго командующаго войсками и не могъ, поэтому, предвидѣть, какъ отнесется онъ къ моему докладу. Признаться, я ждалъ, что Гурчинъ, прочтя уставъ и ознакомившись съ порядкомъ сношеній по «Красному Кресту», установленнымъ въ Вильнѣ многолѣтней практикою, признаетъ посланную повѣстку ненарушившей общепринятыхъ правилъ и только пожалѣетъ о случившемся недоразумѣніи именно съ владыкой, къ которому, какъ католикъ, желалъ сохранить онъ наиболѣе корректныя отношенія; но оказалось, что я ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Выслушавъ меня, прочтя повѣстку и рѣзкую отвѣдь владыки, Александръ Викентьевичъ, красный и дрожащій, долго не могъ говорить отъ негодованія и ужаса. Наконецъ, придя въ себя, онъ грозно, вплотную подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: «и вы считаете себя правымъ?! Вы думаете, что принесли мнѣ радостное извѣстіе?!» Началась цѣлая исторія!.. Въ первый и послѣдній разъ услышалъ я отъ генерала, слѣпо придерживавшагося уставовъ, что для православнаго архіепископа слѣдовало нарушить даже самый уставъ, даже всѣ обычаи, принятые ранѣе въ управленіи. Когда же я заикнулся, что и при генералѣ Троцкомъ владыка никогда не бывалъ въ засѣданіяхъ «Краснаго Креста», всегда получающая такія же повѣстки, и никогда не обижался; что онъ такой же членъ управленія, какъ и другіе, и для него уставъ оговорокъ и исключеній не дѣлаеть; что служебное положеніе владыки обяза-

ваеть его быть особенно внимательнымъ къ дѣятельности «Краснаго Креста»,—Гурчинъ окончательно выпелъ изъ себя и рѣзкимъ, непріятнымъ голосомъ сталъ кричать на весь кабинетъ: «Какъ?! Вы говорите, что архіепископъ Ювеналій такой же членъ, какъ и другіе!.. Вы забываете, что онъ — представитель господствующей православной религіи въ краѣ; что я, напримѣръ, провожаю его изъ собора мимо войскъ до его квартиры, чего не дѣлаю въ Вильнѣ ни для кого другого?!»...

Напрасно старался убѣдить я генерала въ томъ, что и не думалъ умалять достоинства владыки, что и не предполагалъ со стороны послѣдняго исторіи изъ-за пустой, общепринятой, шаблонной повѣстки,—наши объясненія съ генераломъ принимали все болѣе и болѣе бурный, рѣзкій характеръ, генераль суетился, ходилъ въ волненіи около стола и съ перерывами говорилъ мнѣ:

«Благодарю, благодарю васъ!.. Одолжили, порадовали!.. А я такъ просилъ васъ быть осторожнымъ и не ссорить меня съ архіепископомъ!.. Благодарю!»...

Въ концѣ концовъ мнѣ было велѣно, какъ дѣлопроизводителю, немедленно же надѣтъ мундиръ и ѣхать къ владыкѣ съ извиненіемъ отъ имени его, Гурчина. Я доложилъ, что, конечно, какъ военнотружашій, исполню приказаніе его высокопревосходительства, но поѣду къ владыкѣ, не какъ дѣлопроизводитель «Краснаго Креста», частнаго общественнаго учрежденія, въ которомъ работаю не по службѣ, а просто, какъ военный, исполняющій приказаніе начальства; что за исходъ личнаго свиданія съ владыкой я не ручаюсь, но что затѣмъ я отказываюсь отъ должности дѣлопроизводителя, на которой оскорбляютъ меня безнаказанно. Эти слова подлили только масла въ огонь, и генераль Гурчинъ пилялъ меня еще съ часть времени. Впрочемъ, вызвавъ меня къ себѣ на другой день, Гурчинъ уже не настаивалъ на личной явкѣ моей къ архіепископу, а велѣлъ только придумать форму особаго пригласительнаго письма для будущихъ вызововъ въ засѣданія владыки. Начались совѣщанія со мной объ этой формѣ, не предусмотрѣнной уставомъ. Нечего говорить, что неблагожелатели мои, узнавшіе про инцидентъ, воспользовались столь удобнымъ случаемъ и убѣдили Гурчина, что я дѣйствительно ссору его моей безтактностью съ архіереемъ. По крайней мѣрѣ, Александръ Викентьевичъ откровенно передалъ мнѣ содержаніе бесѣды своей съ ними, назвавъ даже и этихъ лицъ, осуждающихъ мой поступокъ. Я еще разъ повторилъ желаніе мое уйти съ должности дѣлопроизводителя, но мнѣ сердито велѣно было остаться. Я узналъ затѣмъ, что Гурчинъ ѣздилъ извиняться къ владыкѣ. Выработали, наконецъ, форму особаго письма, черновики котораго должны и теперь храниться въ дѣлахъ Виленскаго мѣстнаго управленія, а самыя письма—въ бумагахъ владыки. Возникъ новый вопросъ: какъ возможно вѣжливоѣ, утонченнѣе,

подписывать пригласительное письмо? Гурчинъ былъ прямо жалокъ въ этой нервной боязни получить отъ православнаго архипастыря какое либо новое замѣчаніе о неправильности сношеній по «Красному Кресту», а я послѣ всего испытаннаго нарочно заявилъ ему, что не могу подать тутъ никакого совѣта. Тогда самъ Гурчинъ выработалъ такую форму подписи: «поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ». Затѣмъ слѣдовала собственноручная приписка генерала съ выраженіемъ уваженія, преданности и подпись, которую Александръ Викентьевичъ выводилъ съ особымъ, безъ росчерка, стараніемъ; послали письмо на особой бумагѣ, въ особомъ конвертѣ, и въ отвѣтъ архіепископъ собственноручно написалъ, что въ засѣданіи не будетъ. Тѣмъ не менѣе, принеся въ засѣданіе это письмо и передавая его мнѣ, Александръ Викентьевичъ торжественно, въ присутствіи всѣхъ членовъ управленія, заявилъ: «Вотъ, когда пишутъ архіепископу вѣжливо, то онъ отвѣчаетъ на слоновой бумагѣ». Пробѣжавъ письмо и видя, что владыка все-таки не пріѣдетъ, я не удержался, чтобы гласно не подчеркнуть этого факта. И мнѣ было строго, съ неудовольствіемъ, замѣчено: «съ вами вѣдь невозможно спорить!».

Напрасно послѣ этого генералъ Гурчинъ ѣздилъ къ владыкѣ, стараясь убѣдить его пріѣхать хоть въ одно засѣданіе, напрасно унижался до того, что дѣлалъ доклады о томъ, какіе именно интересные, важные вопросы подлежатъ обсужденію. Я составлялъ ему списки вопросовъ. Когда же архіепископъ Ювеналій замѣтилъ ему однажды вскользь, что часы засѣданій для него неудобны,—Гурчинъ предложилъ назначить тотъ часъ, который укажетъ самъ архіепископъ. Поручалось и мнѣ черезъ лицо, близко стоявшее къ владыкѣ, узнать, какъ уладить вопросъ о посѣщеніяхъ засѣданій. Ничего не помогло: ни личныя приглашенія Гурчина, ни льстивыя письма съ фразою: «поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ». На нихъ слѣдовалъ немедленный, собственноручный, сухо вѣжливый отвѣтъ владыки, что въ засѣданіи онъ не можетъ быть, иногда съ указаніемъ какой либо причины (по большей части, неуважительной), иногда безъ всякихъ указаній. Всѣ эти отвѣты генералъ Гурчинъ бережно хранилъ въ своемъ письменномъ столѣ и мнѣ сначала показывалъ. Но отношенія владыки приводили его въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что теперь хорошо, по опыту, сознавалъ онъ, что въ исторіи, поднятой изъ-за ничтожной повѣстки, суть была, конечно, не въ повѣсткѣ. Положеніе его, съ каждымъ новымъ пригласительнымъ письмомъ, какъ командующаго войсками и главнаго представителя «Краснаго Креста», становилось не только неловкимъ, но прямо смѣшнымъ. И о послѣднихъ отвѣтахъ владыки съ отказами онъ только угрюмо сообщалъ мнѣ, какъ дѣлопроизводителю, для свѣдѣнія, но уже самыхъ отвѣтовъ не показывалъ. Однажды вызвалъ онъ меня экстренно и передалъ бесѣду свою съ

архієпископомъ Ювеналіємъ, въ которой послѣдній сообщилъ ему о томъ, что, будучи архіереемъ, чуть ли не въ Курскѣ, онъ самъ былъ предсѣдателемъ мѣстнаго управленія «Краснаго Креста». Отсюда Александръ Викентьевичъ заключилъ, что владыка не ѣздитъ въ засѣданія, обиженный, не желая, чтобы предсѣдательствовалъ онъ, католикъ... Гурчинъ высказался при этомъ въ томъ смыслѣ, что съ охотою готовъ сложить съ себя званіе предсѣдателя, если владыка согласится встать во главѣ управленія. Но переговоры, которые велись въ этомъ направленіи, тоже ни къ чему не привели. А когда однажды я подчеркнул Гурчину, что напрасно негодовалъ онъ на меня за инцидентъ съ повѣсткой, — онъ только промолчалъ и сердито подписалъ письмо съ фразою: «поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ». Это было послѣднее письмо съ такой прибавкой. Въ слѣдующій же разъ, когда принесъ я новое заготовленное письмо, Александръ Викентьевичъ съ неудовольствіемъ, жолчно спросилъ меня: «кто это научилъ васъ, полковникъ, написать «святыя молитвы»? И что это за «святыя молитвы»?!» Я доложилъ, что форму письма придумалъ онъ же, генералъ Гурчинъ. «Это вы снова меня подвели, не предупредили!» — замѣтилъ угрюмо Александръ Викентьевичъ. Мнѣ велѣно было переписать бѣловикъ и впредь никогда болѣе не употреблять въ сношеніяхъ съ владыкою слова «святыя», а просто «поручая себя молитвамъ вашимъ». Стали посылаться письма въ новой редакціи, но и на нихъ являлся обычный, уклончиво-вѣжливый отвѣтъ владыки, что въ засѣданіи онъ быть не можетъ. Скоро генералъ Гурчинъ приказалъ мнѣ совершенно исключить фразу: «поручая себя молитвамъ вашимъ», и заготовить пригласительное письмо съ казенной подписью: «примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности». На это письмо не послѣдовало уже, насколько мнѣ извѣстно, никакого отвѣта. Что произошло бы дальше, какую окраску получила бы переписка между Гурчинымъ и владыкой по «Красному Кресту», — я не знаю. Скоро не стало Александра Викентьевича, и въ могилу съ собою унесъ онъ болѣзненную тревогу о поддержаніи добрыхъ отношеній къ православному архипастырю, обиду за то, что не сумѣлъ, несмотря на всѣ усилія, добиться, чтобы владыка отнесся сочувственно къ дѣятельности мѣстнаго отдѣленія «Краснаго Креста».

Если я привожу такъ подробно всю грустно-комическую исторію съ повѣсткой и письмами, то не потому, что она имѣетъ общественное значеніе, принесла мнѣ лично много непріятностей, а лишь для того, чтобы обрисовать трагическое, подчасъ даже прямо невозможное, положеніе генерала Гурчина въ Вильнѣ, какъ католика. И тяжело, смутно становится у меня на душѣ, когда приходится поневолѣ перевернуть эту страничку недавняго прошлаго.

Разсказанное же мною можетъ и теперь быть провѣрено документами ¹⁾...

Генералу Гурчину, при жизни и послѣ смерти его, не могли простить въ Вильнѣ того, что онъ, рожденный полякомъ, католикомъ, оставался до конца дней своихъ членомъ римско-католической церкви. Этотъ упрекъ, не выдерживающій критики уже по самому своему содержанію, долженъ былъ обидно отзываться въ сердцахъ преданныхъ слугъ Россіи не православнаго исповѣданія. Авторъ приводимой въ началѣ настоящей замѣтки враждебной Гурчину статьи цитируетъ изъ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» слова извѣстнаго, почтеннаго, нынѣ уже тоже скончавшагося, дѣятеля Сѣверо-Западнаго края, оправдывавшаго запрещеніе литовскаго епархіальнаго начальства—отслужить въ православныхъ храмахъ панихиду: «Что сдѣлалъ для церкви (православной) генераль Гурчинъ, и былъ ли онъ ея сыномъ? Признавалъ ли онъ церковную власть архіерея вязать и рѣшать? Нѣтъ сомнѣнія, что на всѣ эти вопросы можно дать только отрицательный отвѣтъ».

Отъ католика требуется признаніе власти православнаго архіерея?!... Вотъ до чего можно договориться, дѣля русскихъ подданныхъ на «православныхъ» и «неправославныхъ». Я лично зналъ почтеннаго автора, уронившаго столь неосторожную фразу, и жаль, что не успѣлъ я познакомить его своевременно съ имѣвшимися у меня данными изъ жизни Гурчина...

Итакъ, постараюсь отвѣтить на вопросъ, поставленный такъ прямо и грозно: «что сдѣлалъ для православной церкви католикъ Гурчинъ?»

Вѣчнымъ славнымъ памятникомъ того, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Александръ Викентьевичъ, прежде всего служить многочисленныя печатныя приказанія по войскамъ Виленскаго военнаго округа по инспектированію Гурчинимъ частей войскъ за 1901—1902 г., т.-е. за время недолгаго командованія имъ войсками. Они получаютъ особое значеніе еще и потому, что Гурчинъ никогда не отдавалъ приказовъ и приказаній только для очистки совѣсти, для того, чтобы они не исполнялись. Напротивъ, зорко слѣдилъ онъ за тѣмъ, чтобы все, указанное имъ, было введено немедленно и точно въ бытъ и жизнь войска.

Обратившись къ этимъ высокопоучительнымъ документамъ, мы видимъ, что ни одинъ православный военный храмъ во время объѣздовъ генерала Гурчина по округу не остался безъ его посѣщеній и замѣчаній, безъ того, чтобы о немъ, въ руководство остальнымъ частямъ войскъ, не было упомянуто въ приказаніяхъ, тщательно редактированныхъ при личномъ участіи самого

¹⁾ Настоящая статья была написана мною задолго до смерти архіепископа Ювеналія.

Александра Викентьевича. Гурчинъ пробылъ въ Вильнѣ на посту командующаго войсками около года, и, тѣмъ не менѣе, 44 раза говорится въ приказахъ о благолѣпіи и устройствѣ православныхъ святынь.

Приведу на выборъ болѣе характерныя выдержки, не указывая ни мѣста, ни времени, ни частей войскъ (желающіе провѣрить мои слова все это найдутъ въ подлинныхъ печатныхъ документахъ). Вотъ эти выдержки о православныхъ храмахъ: «Церковь содержится очень чисто и благолѣпно. Въ виду малой вмѣстимости ея (примѣрно въ 400 ч.) слѣдуетъ наблюдать очередь въ посѣщеніи ея нижними чинами».

«Церковь содержится очень чисто и имѣетъ хорошую ризницу; свѣчной складъ для военныхъ церквей округа, повидимому, въ исправности».

«Заслуживаетъ большой похвалы то, что полкомъ устроена собственными средствами и на пожертвованія хорошая церковь, заботливо содержимая. При церкви хоръ пѣвчихъ подъ управленіемъ офицера».

«Церковь хорошо обставлена и поддерживается въ чистотѣ и порядкѣ, несмотря на отсутствіе постороннихъ прихожанъ».

«Церковь на 300—400 человекъ помѣщается въ весьма ветхомъ, деревянномъ зданіи, угрожающемъ разрушеніемъ. Командиру полка надлежитъ избрать мѣсто для постройки церкви и донести объ этомъ по командѣ съ представленіемъ о необходимости постройки новаго храма».

«Церковь деревянная, хорошо обставленная, но только на 140 ч., въ виду чего уже возбуждено ходатайство о постройкѣ новой».

«Церкви въ полку нѣтъ, а служба совершается передъ образомъ въ помѣщеніи № роты. Командиру полка надлежитъ войти съ ходатайствомъ о постройкѣ храма. До разрѣшенія желательно отгородить въ казармѣ соответствующую часть и устроить въ ней алтарь».

«Каменная церковь, состоящая въ вѣдѣніи инженернаго вѣдомства, хороша, чиста, хотя нѣсколько тѣсна. Этотъ недостатокъ можетъ быть исправленъ при осуществленіи проекта о расширеніи на счетъ находящейся нынѣ на второмъ этажѣ колокольни».

«Церковь тѣсна и расположена въ одномъ зданіи съ нестройвою ротою, что неудобно. Говѣтъ двѣ роты по недостатку мѣста не могутъ. Командиру полка надлежитъ войти съ ходатайствомъ о постройкѣ новой церкви. На дворѣ казармъ имѣется хорошая каменная часовня, построенная чинами № батальона въ память чудеснаго избавленія императора Александра III и членовъ царствующаго дома отъ опасности при крушеніи поѣзда близъ ст. Борки. Въ часовнѣ написаны на стѣнахъ изображенія святыхъ, но образъ

вынесенъ въ полковую церковь. Слѣдуетъ возвратить его назадъ въ эту часовню, назначить для постоянного наблюденія и ухода за нею одного нижняго чина и иногда исполнять тамъ церковныя службы, что въ особенности полезно въ виду малаго размѣра церкви и отдаленнаго расположенія ея отъ упомянутыхъ казармъ, гдѣ находится $\frac{3}{4}$ всего полка».

«Церковь на 400 ч. очень хороша, тепла, отремонтирована только въ прошломъ году и отлично содержится».

«Церковь, повидимому, очень хорошая, но не отремонтирована уже 8 лѣтъ».

«Церковь очень хорошо обставлена. Образы написаны однимъ изъ нижнихъ чиновъ».

«Церковь въ нижнемъ этажѣ, и потому своды занимаютъ въ ней много мѣста».

«Благодаря стараніямъ командира полка, сооружена прекрасная каменная церковь, половину стоимости которой составляютъ пожертвованія чиновъ полка и частныхъ лицъ; построена она была трудами нижнихъ чиновъ полка. Видимо, что всѣ служащіе въ полку приложили немало стараній къ приведенію храма своего въ прекрасное состояніе, въ которомъ онъ находится теперь. Слѣдуетъ только устроить въ окнахъ рѣшетки, тогда не будетъ надобности въ суточномъ часовомъ, а достаточно будетъ ограничиваться назначеніемъ одного нижняго чина».

«Батальонная церковь благолѣпна и достаточно просторна; но расположеніе сводовъ въ ней нѣсколько неудобно, такъ какъ нѣкоторой части молящихся они закрываютъ алтарь».

«Церковь полка, сооруженная на пожертвованія чиновъ всѣхъ частей гарнизона, очень красиво и прочно построена вмѣстимостью на 1.000 чел. и вполне благолѣпна. На стѣнахъ церкви имѣются доски съ именами чиновъ, убитыхъ подъ Плевною. Желательно помѣстить также имена убитыхъ и въ прочихъ дѣлахъ. При церкви устроено гарнизонное кладбище на высокомъ песчаномъ мѣстѣ, поросшимъ хвойнымъ лѣсомъ. Оно содержится въ большомъ порядкѣ, раздѣлено на участки, обнесено оградой. Заботливость и дѣятельность благочиннаго № пѣхотной дивизіи, протоіерея Б., видна во всемъ».

«Церковь хорошо устроена, но причта при ней нѣтъ».

«Въ «Б» и «Г» осмотрѣны мѣста, предназначенныя для войсковыхъ церквей. Избранныя мѣста, повидимому, удовлетворяютъ своему назначенію».

«При сухарномъ заводѣ строится церковь, на содержаніе которой по ходатайству командующаго войсками отпущено 500 рублей».

«Церковь небольшая и подлежитъ въ скоромъ времени переносу, такъ какъ на мѣстѣ ея будетъ строиться войсковой соборъ».

«Въ крѣпости имѣется прекрасный военный соборъ, вмѣстимостью на 1.000 ч., но не достаточно теплый, вслѣдствіе плохого устройства печей».

«Крѣпостной соборъ производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Рѣзной дубовый иконостасъ, художественно исполненные образа, отличная архитектура, значительная вмѣстимость придаютъ собору видъ величественнаго храма. Крѣпостное военное кладбище устроено хорошо. Главнымъ инженернымъ управленіемъ предложено отпустить 10 т. рублей на постройку церкви. Желательно этимъ воспользоваться и немедленно рѣшить вопросъ по постройкѣ хотя бы часовой церкви».

«Церковь устроена благолѣпно; но мала; ротные образа очень красивы и изящны».

Не правда ли, какая трогательная отеческая заботливость католика о православныхъ святыняхъ?! Ничего подобнаго не прочтешь въ прежнихъ приказаніяхъ командующихъ войсками округа, православныхъ.

Не могу не привести еще одной выписки изъ приказанія:

«Офицерское собраніе въ лагерь — очень хорошее, просторное, свѣтлое, стильной русской постройки».

На эти выдержки скажутъ мнѣ, пожалуй, про Гурчина: «хитрый! иезуитъ!» Но всѣ, кто мало-мальски могъ изучить покойнаго, съ презрѣніемъ отнесутся къ подобной новой клеветѣ на него, зная, что у него, какъ и у всякаго смертнаго, были свои недостатки, но что онъ неспособенъ былъ на ложь у алтаря Божія, хотя бы и православнаго, на сдѣлки съ совѣстью.

Приведу еще нѣсколько фактовъ изъ жизни Александра Викентьевича, чтобы объяснить, почему православное духовенство города Вильны явилось, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, помолиться въ костелѣ объ упокоеніи души усопшаго.

Ни для кого изъ живущихъ въ Вильнѣ православныхъ не новость, что генералъ Гурчинъ, живя въ Вильнѣ, никогда не пропускалъ богослуженій въ высокаторжественные дни въ православномъ соборѣ, а равно и въ другихъ храмахъ, по поводу выдающихся событій. Всегда являясь первымъ къ началу богослуженія, часто даже раньше архіерея, онъ и другихъ должностныхъ лицъ пріучилъ являться туда также своевременно. Стоя въ православныхъ храмахъ, онъ подавалъ тоже всегда высокій примѣръ уваженія къ мѣсту молитвы, къ богослуженію, и никогда не занимался въ церкви, на соблазнъ простого народа, праздными, громкими разговорами, какъ это позволяютъ высокопоставленные православные... Косой взглядъ его на такихъ болтавшихъ православныхъ въ церкви часто заставлялъ ихъ прикусывать мгновенно языки. Помню, какъ одно время смѣялись въ салонахъ Вильны надъ такой аккуратностью генерала-католика, смѣялись и... понсволѣ аккуратно шли къ началу бого-

служенія, даже старались попасть на глаза строгому, примѣрному начальнику.

На первый день Пасхи мы, православные, разгавливались у генерала Гурчина, и столы, роскошно обставленные, благословил нарочно для того приглашенный имъ архіепископъ Ювеналій. Налицо было все православное духовенство Вильны. Для владыки были даже приготовлены особыя кушанья, но онъ, несмотря на настойчивыя просьбы хояина остаться,—не остался, и всѣ видѣли, какъ это огорчило Гурчина, встрѣтившаго владыку у лѣстницы и провожавшаго его до подъѣзда.

Каждымъ удобнымъ случаемъ пользовался Александръ Викентьевичъ для того, чтобы открыто, всенародно выказать свое глубокое уваженіе православному храму, православному обряду, православному священнику, а посѣщая храмы, самые бѣдныя и забытыя, онъ всегда долго и ласково бесѣдовалъ съ православнымъ духовенствомъ, во время загородныхъ поѣздокъ по войскамъ округа, усаживалъ священниковъ на почетное мѣсто рядомъ съ собою при официальныхъ обѣдахъ, отъ которыхъ нельзя было отказаться, внимательно разспрашивая ихъ о нуждахъ православныхъ церквей. Впрочемъ достаточно прочесть выше приведенныя приказанія по округу, чтобы убѣдиться, насколько корректенъ онъ былъ въ этомъ отношеніи. Личныя просьбы православныхъ служителей церкви, съ которыми тѣ къ нему обращались, исполнялъ онъ всегда съ великой радостью и готовностью, конечно, въ предѣлахъ возможнаго, и ни одинъ такой проситель не уходилъ отъ него необласканнымъ, неудовлетвореннымъ...

Если, напримѣръ, въ м. Олитѣ Сувалкской губерніи построенъ при церкви каменный удобный домъ для православнаго священнослужителя, то потому лишь, что о нуждахъ будущаго священника при новой строящейся церкви вспомнилъ самъ Гурчинъ во время постройки, приказавъ немедленно подумать и о причтѣ.

При одномъ посѣщеніи Гурчинымъ загороднаго православнаго храма растерявшійся священникъ (мнѣ передавалъ это очевидецъ) не рѣшился дать вошедшему въ церковь Гурчину для цѣлованія православный крестъ. Александръ Викентьевичъ замѣтилъ это, но въ церкви промолчалъ, а когда встрѣтился позднѣе съ «батюшкой», то спросилъ его, почему обошелъ тотъ его съ крестомъ.

«Я думалъ, что вы, ваше высокопревосходительство, какъ католикъ, не примете православнаго креста»,—отвѣчалъ смущенно священникъ.

— «Какъ же вы могли это думать?—мягко упрекнулъ его Гурчинъ:—развѣ крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель міра, не символъ спасенія всѣхъ вообще христіанъ, православныхъ и католиковъ?».—И за обѣдомъ усадилъ онъ нарочно священника возлѣ себя и дружелюбно съ нимъ все время бесѣдовалъ.

Священникъ съ восторгомъ и уваженіемъ рассказывалъ потомъ объ этой встрѣчѣ.

Когда праздновался въ Вильнѣ юбилей настоятеля Благовѣщенской церкви, протоіерея Давидовича, генералъ Гурчинъ не только явился въ полной формѣ въ церковь поздравить лично маститаго юбиляра, но посѣтилъ его затѣмъ на его скромной квартирѣ, былъ милъ, ласковъ тамъ со всѣми, очаровалъ своею любезностью.

Задолго до пріѣзда въ Вильну Гурчина мы, виленцы, уже слышали, что и ранѣе, гдѣ ни служилъ онъ, всегда были у него близкіе друзья между православнымъ духовенствомъ, въ домахъ которыхъ онъ обыкновенно бывалъ запросто, заходя изъ церкви послѣ богослуженій.

Но довольно и сказаннаго...

Въ заключеніе настоящаго бѣглаго и далеко неполнаго очерка о замѣчательномъ русскомъ генералѣ-католикѣ, котораго понемногу уже забываютъ, я позволяю себѣ привести тоже прошедшую незамѣтно и забываемую рѣчь капитана Иванова, православнаго представителя 3-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, прибывшаго во главѣ особой депутаціи съ Кавказа въ Вильну специально для того, чтобы возложить вѣнокъ на могилу почившаго Гурчина отъ имени 1-й Кавказской бригады.

Вотъ эта рѣчь:

«Не зная устали, не покладая рукъ, работалъ ты весь вѣкъ свой, дорогой, незабвенный Александръ Викентьевичъ»,—говорилъ надъ могилою Гурчина Ивановъ:—«зато судилъ тебѣ Господь почитать отъ дѣлъ на родинѣ своей. 16 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой разстались, но память о тебѣ у насъ неизгладима: весь укладъ нашей внутренней жизни и все, что было создано тобой, ненарушимо держится и чтится нами, какъ памятникъ тебѣ нерукотворный!.. Ты умеръ! Теперь ты превратился въ прахъ, но мощный духъ твой, тотъ духъ, который ты сумѣлъ вдохнуть и въ насъ,—пережилъ тебя, живетъ теперь въ насъ; мы имъ живемъ, его мы бережемъ, и свято мы хранимъ твои завѣты: трудиться и работать на благо родины своей, жить правдой, любить, прощать и вѣрвать въ добро... Живя среди насъ, ты жизнь свою всю посвящалъ заботамъ о стрѣлкахъ; ты былъ намъ всѣмъ истиннѣ отцомъ; собою ты являлъ примѣръ, какъ надо относиться къ дѣлу, ты вдохновлялъ насъ свято выполнять свой долгъ... Сумѣлъ ты совмѣстить въ себѣ начальника и человека, — тотъ рѣдкій даръ, который насъ къ тебѣ такъ привязалъ, заставилъ насъ тебя любить, цѣнить и уважать... И благодарная тебѣ за все кавказская семья стрѣлковъ, скорбя душой, узнавъ о твоей кончинѣ, прислала насъ сюда, чтобъ поклониться праху твоему, сказать тебѣ послѣднее «прости» и помолиться за упокой твоей души. Спи спокойно, дорогой Александръ Викентьевичъ! Холодна подъ

тобой земля, но тепла къ тебѣ любовь, согрѣтая тобой въ нашемъ сердцѣ!»...

Чудныя, высоко-сердечныя слова!... Дай Богъ, чтобы о тѣхъ, именующихъ себя православными, кто зло или безумно бросалъ тѣнь на память, на прошлое «католика» Гурчина,— сказано было послѣ ихъ смерти что либо подобное!...

Покидая не по своей волѣ надолго, а, быть можетъ, и навсегда дорогую мнѣ Вильну, сходилъ я проститься и на могилу генерала Гурчина. Скромный памятникъ съ польскою надписью высится надъ нею. Мѣсто глухое, а осенній пейзажъ наводилъ на грустныя мысли... Но всякій пышный мавзолей только портилъ бы здѣсь глубокое впечатлѣніе... Есть могилы, говорящія сердцу и уму, возвущія на подвиги во имя ближняго... И чѣмъ онѣ проще, тѣмъ громче раздается изъ нихъ духовный голосъ усопшаго...

Такова и могила незабвеннаго въ лѣтописяхъ русской арміи, достойнаго труженика и воина Александра Викентьевича Гурчина...

Да будетъ же ему вѣчная, вѣчная память!..

А. Жиркевичъ.

